

Он, как вы и я, совсем такой же...

Еще сотворив миф о Прометее, человек, пылливо озирающийся в мире все- сильных стихий, воплотил в этой легенде мечту о своем могуществе, о своем праве на жизнотворчество. Этот миф повторял он многократно из века в век — средствами искусства, славя тех, кто возвышался до подлинного творчества жизни. Среди лучших представителей человечества Ленин занимает особое место. Поразительное сочетание гениальности, высшего проявления человеческих возможностей и естественной простоты и демократичности делает его образ своеобразным мерилотвечности в ее идеальном проявлении. Именно это сочетание, казалось бы, полярных достоинств подметили писатели, современники Ленина, начиная с Горького и Маяковского, оно же заставило Есенина удивленно вопрошать:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?

Рассказывая о Ленине, друге и наставнике, Горький пораился богатству его натуры. Этого человека интересовало все, начиная от вопросов политики и условий жизни тружеников до самых крошечных деталей рыбной ловли. Не случайно Ленин так любил литературу и музыку, искусство помогало ему утолить жажду широчайшего общения с жизнью, с людьми.

Какими бы сторонами ни поворачивался образ Ленина в произведениях других писателей, он всегда преподносился как своеобразный критерий человечности. При всем разнообразии творческих индивидуальностей пишущих, наполнение образа меняется не столь значительно. Ленин — реальное лицо, и каждый пишущий обязан говорить о нем правду. Но как неисчерпаема может быть эта правда! Как много нового можно открыть в этом прекрасном человеке человечества! Здесь, естественно, не может не встать вопрос о степени мастерства, о глубине подхода к ленинской теме.

Сейчас, в преддверии ленинского юбилея, интерес к этой теме особенно высок. Читатель ждет новых писательских откровений и взлетов. Но ему дорого и любое, пусть даже небольшое открытие, прибавляющее новый штрих к образу вождя.

Писатели Ставрополя не раз обращались к образу Ленина. Можно назвать запомнившийся читателю очерк Бор. Речина «Гости Ильича», поэму И. Кашпурова «Аппассионата», рассказы М. Усова. Недавно появился в печати роман С. Дроздова «На переломе», уже получивший самую первую оценку читателя. Книгу трудно найти на полках магазина. Доброе слово услышал автор на читательской конференции.

Книга С. Дроздова — плод труда многих лет. Десять лет назад он написал рассказ «Паровоз № 293» — о том, как Ильич летом 1917 года уезжал в последнее свое подполье на знаменитом теперь паровозе, который стоит и сейчас на Финляндском вокзале как музейная редкость. Это был первый штрих будущей большой работы. Потом шли годы размышлений — ведь не так-то просто решиться писать роман о Ленине. Потом начались поиски, многолетняя работа в архивах, встречи с современниками Ленина. И, наконец, труд над листом бумаги.

И сейчас, завершив роман, С. Дроздов продолжает работу, готовит его продолжение. Тема не исчерпана. Тема еще владеет помыслами писателя. Каждый день поутру в Научном зале краевой библиотеки можно видеть человека, склонившегося над книгами, неторопливо листающего записи прошлых лет, задумавшегося над стопкой бумаги. Да, трудно писать о Ленине.

Когда обращаешься к произведению, посвященному Ленину, возникает масса вопросов: соответствует ли созданный образ представлению о Ленине, живущему в душе народа, сумел ли автор в то же время сказать что-то новое о вожде и насколько это новое соответствует правде ленинского характера и т. д. И каждый, самый неискушенный читатель в данном

случае — строгий судья.

Задача С. Дроздова осложнялась еще тем, что именно об избранном им периоде ленинской биографии написал тонкую психологическую повесть Эм. Казакевич, и его «Синяя тетрадь» явилась новым словом в лениниане.

Чтобы понять, справился ли С. Дроздов с теми задачами, что ставил он перед собой, надо, естественно, представить эти задачи.

Перед читателем возникает на первых страницах Петроград конца июня 1917 года.

...Шалыпин поет Мефистофеля на сцене Мариинского театра. «Так же, как всегда, в партере и в ложах... все знатные, богатые, знаменитые». Как и год назад, все поглядывают в царскую ложу — кто в ней. В театре встречаются бывшие товарищи, прапорщик Даманский и большевик Андрей Нестеров, ныне непримиримые враги.

...Во дворце балерины Кшесинской, где помещается Петроградский комитет большевиков, Свердлов убеждает рабочих воздержаться от вооруженных выступлений против Временного правительства — рано.

...На даче Бонч-Бруевича лечится от переутомления Владимир Ильич. Сюда едет от ЦК Коммунистической партии Андрей Нестеров, чтобы ознакомить Ленина с положением дел на самый последний момент.

И вот он появляется перед читателем, главный герой романа. Да, да, именно герой романа, как ни странно соотносить этот литературоведческий термин с обликом Ленина, исторического человека, столь знакомого каждому из нас.

«В комнате таял последний сумрак. Ленин уже выходил навстречу гостю: кто, кто приехал? Андрей никогда не видел Владимира Ильича вот таким, без пиджака и галстука, в брюках и одной исподней белоснежной рубахе».

Начало романа дает вполне четкое представление о намерениях писателя, о его замысле. Жизнь Ленина — это революция, это история. И Дроздов посвящает свою книгу революции, истории. Избрав

сложный, весьма насыщенный событиями отрезок времени, от июня до августа 1917 года, то есть время последнего подполья Ленина, до отъезда его в Финляндию, С. Дроздов шаг за шагом с поражающей добросовестностью вводит читателя в обстановку тех лет, в обстоятельства, заставившие Ленина уйти в подполье, он рассказывает о каждой квартире, где довелось скрываться Владимиру Ильичу, о людях, что помогали ему, заботились о нем, жили его жизнью, более, чем своей. Мы знакомимся с Сулимовой, на квартире которой началось подполье Ленина, с семьей Аллилуева, старого большевика, становимся свидетелями тайных заседаний ЦК, встречаемся с Свердловым, Крупской, Шотманом, узнаем всех членов семьи Емельянова, что организовал подполье Ленина в Разливе. Автор вводит читателя в рабочую среду, переносит действие в деревню.

Ощущение драматизма сложившейся ситуации усиливается тем, что в романе не менее детально выписано все, характеризующее потуги контрреволюции задушить большевиков, обезглавить их, вызвав Ленина на суд, где буржуазное Временное правительство собиралось ему предъявить клеветническое обвинение в шпионаже. И в то время, когда большевистский ЦК, несмотря на явное предательство меньшевиков и эсеров, принимает решение — Ленину на суд не являться, Ленина ищет полиция. По его следу пущен опытный сыщик Костоногов. Суживается петля слежки вокруг Ленина. И хотя события известны читателю, он тревожится за Ленина, тревожится, когда он хочет перейти на квартиру к неизвестному человеку, когда переезжает с квартиры на квартиру буквально под носом у полиции, когда к шалашу, где он скрывается, подходят незнакомые люди. Читатель не может не думать: а что, если... а вдруг... то есть он поверил в истинность сюжета, отделил его от фактов истории и стал воспринимать, как словно бы заново совершающуюся жизнь, подчиняющуюся логике сюжета, жизнь, творимую писателем, который один властен в ее дальнейшем движении.

Иными словами, свершилось то чудо, которое повсеместно совершается в историческом романе — читатель забывает о том, что ему давным-давно известно, и заново проходит по тропам истории. События получают первозданность и ощущение этой первозданности создается не только проникновением в логику истории, но и массой подробностей и деталей, воссоздающих аромат эпохи, ее быт.

Революционер сейчас воспринимается нами, как творец истории, а между тем он был и просто человек, обремененный многими житейскими трудностями, возводимыми в куб опасности революционной практики.

Пожалуй, в книге Дроздова самое интересное — это именно быт революции, ее житейские подробности, и более всего таких любопытных штрихов вокруг образа Владимира Ильича. Из мелких, будто бы незначительных подробностей жизни Ленина складывается то ощущение полноты, выпуклости образа, которое помогает почувствовать Ленина, увидеть его живым и близким рядом с собой.

...Ленин переезжает с Сердобольской, где проходило заседание ЦК к Николаю Гурьевичу Полетаеву, с которым знаком более двадцати лет. Его везет рабочий завода «Русский Рено» Ашкенази на автомобиле директора завода француза Ванья.

«Ашкенази занял место рядом с шофером, Ленин — сзади. По Лесному проспекту не поехали, свернули в глухой переулок. Ашкенази хотел избавиться от возможной слежки, и шофер, удлиняя путь, кружил по темным закоулкам. На Литейном мосту автомобиль наскочил на заставу казаков. Усатый подхорунжий с высоты дончака оглядел нарядный «Рено», свесился с седла и потребовал документы. Шофер с видом полного равнодушия вытаскил пропуск, спросил подхорунжего, кого они тут дожидаются.

Пока казаки при жидком свете фонаря разглядывали документы, Ашкенази крепко сжимал в кармане револьвер... Эта минута для Ленина была очень долгой».

Этот эпизод хорошо передает

атмосферу подпольной жизни.

Мы узнаем, как нелегко доставалась Ленину эмиграция, как приходилось ему нуждаться и как-то рельефнее, живее становится сцена трапезы у шалаша, и неприятельность Ленина, и то естественное удовольствие, с которым ел он печеный картофель.

Мы видим Владимира Ильича озабоченным не только сложнейшими проблемами истории, но и неожиданной прорехой на рукаве рубахи. Для него, человека, в высшей степени аккуратного, — это весьма неприятная мелочь. И так понятно его смущение, когда рукав оказался в полном порядке — постаралась внимательная хозяйка дома.

Книга С. Дроздова — добросовестный труд изыскателя. Дроздов добывает эти подробности, как крупички золота, в массе сведений о Владимире Ильиче — архивных и сохранившихся в памяти уже немногих современников. Встречи с Емельяновым-стариком и позже с его сыном Александром, которому было восемнадцать лет, когда Владимир Ильич скрывался в Разливе, дали ему немало такого материала. Из штриха или намека, заключенного в одной-двух строках воспоминаний, выростали эпизоды. Полный драматизма переезд на квартиру Полетаева в машине Ванья имел источником несколько фраз в воспоминаниях Ашкенази; насыщенный милым смешком эпизод с потерей очков Свердловым, встречи с Шотманом выросли из рассказов других очевидцев.

Только в сюжетных линиях, связанных с Лениным косвенно, рождался авторский вымысел в полном смысле этого слова. Так появился образ матерого сыщика Костоногова. Но нет сомнений, что некто подобный существовал и на самом деле. Немало служащих царской охраны перешли на службу Временному правительству. Изучение особенностей эпохи позволило писателю создать образы Даманского, Нестерова и многие другие. Правда, следует сказать, что в достоверном материале автор чувствует себя сильнее. Для его фантазии, очевидно, необходим толчок, исходящий от какого-то реального факта.

Лучшие страницы романа связаны с образом Ленина. Ленин предстает в романе как воплощение духовного здоровья. Поэтому, очевидно, автор стремится обратить читательское внимание и на его физическое здоровье. Ленин всегда в атмосфере непрерывного труда. Писатель восхищается, любит той легкостью, с которой Владимир Ильич делал все, за что бы он ни брался, будь то написание статьи, анализ сложнейшей ситуации или труд косаря. Он всегда как туго скрученная пружина, решителен, деловит и азартен. Он может наслаждаться, барахтаясь в воде, плыть наперегонки с мальчишкой, говорить о грибах и рыбной ловле с великим удовольствием и увлеченностью.

В Ленине у С. Дроздова нет и тени той грустной задумчивости, что так тонко и проникновенно выписана у Э. Казакевича. В «Синей тетради» более ощущаешь тот титанический труд, что вынес Владимир Ильич на своих плечах, то нечеловеческое напряжение, что стоило, возможно, многих лет жизни. В книге «На переломе» нет Ленина усталого, преодолевающего эту усталость, думающего о возможности смерти. Его постоянная неугасимая жизнерадостность для писателя, выражение его исторического оптимизма, так же как постоянное недомогание, постоянный страх за собственное здоровье у Зиновьева — выражение его духовной немощи.

Любовь к жизни во всех ее проявлениях, любовь к ее большому содержанию, которое для Ленина принимало облик грядущей революции, и к маленьким естественным радостям человеческим, что так сближают Ленина с каждым из нас, — увидел С. Дроздов в герое своего романа, и потому его Ленин воспринимается как близкий каждому.

Когда мы видим его выступающим на балконе дворца Кшесинской, на заседании ЦК, в беседах с товарищами о насущных нуждах революции, пишущим очередную статью, — неотступно стоит за этим образом человек в чистой исподней рубахе без пиджака, немного будничной, революционер в своей повседневности. Это не только Ленин, вождь революции, но и просто Владимир Ильич, которому ничто

человеческое не чуждо. Это Ленин не только бессмертный, но и смертный, как все люди. Однако это не снижение образа, а просто сближение с каждым из нас. «Он, как вы и я, совсем такой же...» Эти слова Маяковского вполне выражают смысл образа Ленина, каким он вырисовывается в романе «На переломе».

Именно это диалектическое единство великого и повседневного, бессмертного и смертного, гениального и человеческого простого делает ленинский облик насыщенным огромным зарядом воздействия на окружающих. В этом секрет воспитательного значения этого образа.

В романе «Соленый арбуз» молодой писатель В. Орлов, рассказывая о том, как его герой посетил ленинский музей, передает мысли его, возникающие при соприкосновении с подробностями жизни вождя революции. Восторженный юноша, прозванный Букварем, думает о Ленине: «Он обогнал своих современников на десятилетия и века. Но может быть, в том и смысл жизни наших предков и сегодняшних людей, чтобы в будущем земляне были такими же, как Ленин?» Между нынешними людьми и Лениным как бы вырастает стена десятилетий. А между тем Ленин был не выходцем из будущих веков, он был сыном своего времени, не только творцом, но и детищем революции. И его окружала когорта людей того же типа. И сейчас мы говорим о людях ленинской складки, подразумевая, что в них воплощены лучшие качества, воспитанные в суровой школе революционного подполья, революционных битв и будней. И то, что Ленин, люди ленинского типа — не мечта, не пришельцы из далекого будущего, а реальные, недавно жившие и сегодня живущие люди — ярчайшее свидетельство, как высоко может взлететь человек, как много может свершить он, каково его место в творчестве истории.

Последнее подполье Ленина было временем, когда величие ленинского духа проявилось чрезвычайно ярко. В дни торжества контрреволюции прозорливо угадать, что социалистическая революция подошла вплотную, встала на повестку дня, мог только человек, охватывающий умом

всю сложность действительности, видящий ее движущие силы, как фигуры на шахматной доске. Эта мысль не нова, и С. Дроздов не делал открытия, повторяя ее, но он-постарался увидеть повседневное обличив ленинской гениальности и ленинского мужества. Можно только пожалеть, что он не всегда смел в решении этой задачи, что порой для его художественной манеры характерна некоторая скованность, как бы страх перед ее значительностью. Книга только выиграла бы, будь она философичнее, порой ей не хватает полета, взгляда в отдаленное будущее,

И сейчас каждый день с утра в Научном зале краевой библиотеки можно видеть человека, склонившегося над книгами и записями. Встретившись с внимательным и добрым взглядом его всегда немного усталых глаз, снова и снова испытываешь чувство благодарности за его большой труд.

ТАТЬЯНА БАТУРИНА